С.А. Красиков

ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ НЕЛИНЕЙНОГО РАЗВИТИЯ: ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА

Проблема традиций остается на сегодняшний день одной из актуальнейших как в теоретическом, так и в практически-политическом смыслах. Стабильное развитие российского общества после пережитых «лихих 90-х» воспринимается как одно из наиболее значимых достижений и одновременно – как одна из важнейших целей. Стабильность же неразрывно связана с традициями как унаследованным, а не изобретенным и не переосмысленным способом действия[1]. Здесь имеются в виду, прежде всего, устойчивые институциональные практики, ценности политической культуры – политические традиции, которые в принципе не могут быть никем «выдуманы», а формируются на протяжении длительного развития политических реалий, под влиянием разнообразных исторических обстоятельств. Исследованию политических традиций России посвящены труды многих политологов и социологов как у нас в стране, так и за рубежом. Среди них можно назвать работы А.С. Ахиезера, А.С. Панарина, В.В. Ильина, Д. Биллингтона и многих других[2]. В них ученые раскрывают противоречивость традиционных форм политического действия в России, амбивалентное влияния традиций на развитие страны. Однако сложность современной ситуации состоит в том, что именно сейчас логика развития общества, определяемая динамичными процессами в социокультурных и научно-технологических сферах, сделала роль традиций в обществе как никогда сложной и противоречивой, превратив традиции, как это ни парадоксально, в один из наиболее существенных факторов риска. Эта рискогенная роль традиций и станет предметом настоящего исследования.

---

[1] См.: *Гофман А.Б.* Классическое и современное: Этюды по истории и теории социологии. М., 2003. С. 611.

[2] См.: *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России. М., 1996; *Панарин А.С.* Реванш истории. М., 2004; Политическая культура: теория и национальные модели. М., 1994; *Биллингтон Д.* Икона и топор. М., 2001.

Риски традиций в условиях «текучей современности»

На протяжении многих столетий позитивно-функциональная роль традиций в жизни общества вообще не ставилась под сомнение. Социумы, основанные на преемственности развития, получили название традиционных обществ. В них, по определению М. Вебера, доминировали традиционные действия, к которым относятся повседневные поведенческие акты, совершаемые просто по привычке. Люди ведут себя почти автоматически, потому что они так всегда это делали, в силу приверженности устоявшимся нравам и обычаям. Такие действия не предполагают рефлексии по поводу выбора целей и средств их осуществления, соответственно, здесь практически нет и рисков, предполагающих *принятие актором решения относительно возможных альтернатив*, которое может повлечь за собой как ущерб и негативные для актора последствия, так и преимущества, жизненные шансы, выгоды[1].

Начало переосмысления роли традиций в обществе связано со становлением и развитием культуры модерна в XVIII в. В трудах мыслителей французского Просвещения нашло выражение наиболее критическое отношение к традиционности как главному препятствию на пути развития человека, как к оковам, не дающим проявить инициативу и самостоятельность, принять на себя ответственность за собственную жизнь. Можно сказать, что именно тогда зародилась *традиция критики традиций*, проходящая красной нитью через практически все теории модернизации, вплоть до второй половины XX в. Это было связано, прежде всего, с тем, что модернизация общества требует развитие индивидуализма, инициативы, свободы и ответственности личности во всех сферах общественной жизни, что предполагает принятие самостоятельных решений, а не простое осуществление традиционных действий. С обществом модерна исследователи, вслед за М. Вебером, связывали преобладание целе-рациональных действий, инструментальной рациональности, самостоятельного выбора индивидами целей, а также средств, наиболее адекватных их достижению. В отличие от традиционных, такие действия рационального толка обязательно требуют просчета актором возможных преимуществ и ущербов и, таким образом, включают в себя элементы риска и ответственности. Не случайно утверждение понятия риска в общественной жизни

[1] См.: *Кравченко С.А., Красиков С.А.* Социология риска: полипарадигмальный подход. М., 2004. С. 24.

связано с развитием предпринимательской деятельности в эпоху становление капитализма в Западной Европе. Исследователь риска Э. Гидденс отмечает, что изначально риск ассоциировался с коммерческими предприятиями на неизвестных территориях, развитием банковского дела, оборотом денежных сумм, сулящим как прибыли, так и убытки, и это становится повседневным явлением: «Современный капитализм внедряется в будущее благодаря тому, что оценка будущих прибылей и убытков, а значит и риска, превращается в непрерывный процесс»[1].

Особой критике подвергались традиционные формы политического господства и политического поведения. Напомним, что М. Вебер определил традиционное господство как «авторитет “вечно вчерашнего”»: авторитет *нравов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение[2]. При традиционном господстве управление и участие в политической жизни определяется личной лояльностью правителю или персонифицированным и сакрализованным авторитетам. Такое господство характерно для мало динамичных, относительно закрытых обществ. Оно *минимизирует риски политической жизни для социума в целом*, стабильность которого не подрывалась даже социальными потрясениями, которыми история традиционных обществ весьма богата. Характерно, например, что практически во всех известных добуржуазной истории восстаниях, войнах, политических переворотах и т. п. предметом борьбы становился доступ к власти для тех или иных конкретных личностей и групп, а не социальное устройство в целом. Даже смена государственного лидера, по существу, не была рискогенным фактором для общества, ибо это событие не предполагало ни разрушения форм традиционного социального порядка, ни ломки его функций. Политические риски касались лишь узкого круга приближенной к лидеру элиты. Таким образом, традиционное господство переносило политические риски *с общества и системы в целом на отдельные личности*, но при этом политические риски отдельных индивидов не подрывали стабильность системы в целом.

Традиции как форма преемственности социальных практик, по существу, обращали социальное время вспять: значимые образцы поведения, ценности и идеалы располагались в прошлом,

---

[1] *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 41.

[2] См.: *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 646.

а не в будущем. Характерно, что традиционно ориентированные индивиды даже не стремятся повысить доходы, благосостояние, статус, сосредотачиваясь преимущественно на том, чтобы они не опускались ниже привычного для них уровня. Поэтому критики традиций были правы в том, что ценой стабильности, устойчивости, предсказуемости, отсутствия риска явилась стагнация.

В обществе модерна риск противопоставляется традициям как мобилизующая сила, благодаря которой именно личности с их инициативой, самостоятельностью, желанием перемен, а не устоявшиеся схемы поведения и не зависимость от слепых сил природы, начинают сами определять свое будущее. Поэтому Э. Гидденс называет риск, в противоположность традиции, «способом регуляции будущего, его нормализации и подчинения нашей воле» в обществе модерна[1]. С этим утверждением связано направление в общественной теоретической мысли, ориентированное на радикальное противопоставление традиций современности и обосновывающее необходимость отказа от традиций ради будущего и прогресса.

Соответственно, попытки сдерживать инициативу и самостоятельность, способность идти на риск, получая выгоды и преимущества из инновационных, оригинальных, ранее не предусмотренных способов действия и практик, и продолжать воспроизводить традиционные модели жизнедеятельности сами оказывались рискогенным фактором. Так, традиции коллективизма, ориентации на группу в противоположность ориентации на себя (одна из черт современности, отмеченная Т. Парсонсом) приводят к пассивности и зависимости, нежеланию принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность. Приоритет личного авторитета лидера и лояльности ему перед лояльностью закону приводят к усилению рисков авторитарных решений. Из трагической истории нашей страны известно, как боязнь перемен, стремление сохранить все «как было», неготовность к новым формам политического действия в ответ на меняющуюся обстановку приводили к серьезным социально-политическим катаклизмам.

На рубеже XX – XXI вв. сложились новые условия социального развития, которые исследователи охарактеризовали как «общество риска» (У. Бек), «рефлексивная модернизация» (Э. Гидденс), «текучая современность» (З. Бауман). Эти условия связаны с ка-

[1] *Гидденс Э.* Ускользающий мир… С. 42.

чественным изменением характера социальной динамики и места риска в ней. Особенность современного общества состоит в том, что не только стремления управлять будущим с помощью наработанных в прошлом практик, но даже сами попытки жестко контролировать будущее стали чреваты рисками: «Сами наши попытки поставить будущее под контроль оборачиваются против нас, заставляя искать другие пути, как справиться с неопределенностью»[1], – пишет Э. Гидденс. Это новое отношение к рискам связано с принципиальными изменениями представлений о причинности, произошедшими в естественных, социальных и гуманитарных науках в конце XX в.

В традиционном обществе считалось, что у мирового, природного и социального порядка есть первопричина (Бог, Закон, Дхарма и т. п.), которая его строго и однозначно определяет. Подчинение традициям, обусловленное «универсальным» Законом, способно гарантировать стабильность и снижение рисков. В обществе индустриального модерна массированная критика традиции как ориентации на прошлое не подрывала, тем не менее, всеобщей уверенности в том, что социально счастливое будущее возможно детально спроектировать. Залог тому – рациональный учет однозначных причинно-следственных связей.

Однако в современном обществе эти представления оказались не только поставленными под сомнение специалистами в области естественных наук, но и подверглись основательному пересмотру в рамках социальной синергетики и рефлексивной социологии[2]. Непредсказуемость, хаос, риск воспринимаются не как противоположность порядка, а как явления, связанные с ним сложными динамическими связями. «Нам хорошо известно, что даже наиболее тщательно разработанные планы имеют отвратительную тенденцию не сбываться и приносить результаты, далекие от ожидаемых, что наши искренние усилия “привести вещи в порядок” часто заканчиваются еще большим хаосом, аморфностью и беспорядком, и что наши попытки устранить непредвиденные обстоятельства и случайности – это не более чем азартная игра»[3]. Линейное развитие и очевидные причинно-следственные связи при этом не отрицаются

---

[1] *Гидденс Э.* Ускользающий мир… С. 42.

[2] См.: Синергетика: Будущее мира и России / Под ред. Г.Г. Малинецкого. М., 2008; *Кравченко С.А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М., 2007.

[3] *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008. С. 147.

вообще, но рассматриваются в качестве частного случая непредсказуемых случайных флуктуаций самоорганизующихся и саморефлексирующих структур.

Новое – неодетерминистское – понимание причинности, адекватное особенностям усложняющейся социокультурной динамики современного общества, в частности, нашло отражение в знаменитой постмодернистской концепции «смерти Автора» (Ж. Деррида и др.), под которым в данном контексте подразумевается внешняя причина, Закон, Творец, задающие жесткие параметры социальной жизни и определяющие характер развития общества. Отрицая жесткий детерминизм традиционного общества и линейную логику индустриального модерна, представители рефлексивной социологии настаивают на конце функциональности авторитетов, будь то традиции или личности, которые задают непререкаемые образцы и универсальный социокультурный или политический проект будущего. В этих новых условиях адекватная адаптация индивида к обществу востребует не неукоснительное соблюдение существовавших «испокон веков» норм и правил, а, напротив, постоянную готовность меняться, способность к творческому саморазвитию, «самотворению» на основании постоянной рефлексии, по выражению Н. Лумана, «аутопойэтического» поиска инвариантов бытия[1].

Одним из наиболее глубоких аналитиков современности является З. Бауман, охарактеризовавший ее как «текучую». «Текучесть» как свойство социальных систем английский социолог связывает с прекращением власти традиций, устойчивых паттернов, моделей поведения, жестких нормативных комплексов и представлений о линейном и «закономерном» движении из прошлого в будущее: «в наши дни паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более не самоочевидны; их слишком много, они сталкиваются друг с другом, и их предписания противоречат друг другу, так что все они в значительной мере лишены своей принуждающей, ограничивающей силы… Вместо того чтобы служить предпосылкой стиля поведения и задавать рамки для определенного курса, они следуют ему (из него), формируются и изменяются под воздействием его изгибов и поворотов»[2].

В условиях возросшей скорости изменений во всех сферах жизни, начиная от науки, техники, экономики, кончая нравственными нормами, динамика современного общества стала *нелинейной*, то

[1] См.: *Луман Н.* Общество как социальная система. М., 2004. С. 69.

[2] *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008. С. 14.

есть прошлое не определяет будущее однозначно. Эта динамика характеризуется внезапным возникновением незнакомых и потому неопознаваемых рисковых ситуаций, традиционного способа разрешения которых просто не существует[1].

Дело уже не только в том, что традиционные действия порождают риски, но, по существу, в том, что возникают новые, непредсказуемые ситуации, для которых просто не существует традиционных решений, на которые можно было бы ориентироваться. Подавляющее большинство современных рисков порождается не «объективными», независимыми от человека и общества внешними – природными или внеприродными (обусловленными действиями божественных или демонических сил и т. п.) обстоятельствами, а *самой деятельностью человека* и развитием социальных институтов. При этом риски принимают форму непреднамеренных последствий от инновационной научно-технической деятельности людей[2]. Поэтому «рецепты» из прошлого, традиционные способы реакции не могут быть адекватны им. Равно как и нет таких авторитетных инстанций, таких носителей знаний и норм, которые были бы способны указать однозначный и безопасный путь решения возникающих проблем.

К их числу относятся, прежде всего, риски, которые связаны с глобализацией. Это не только невиданные ранее экологические, энергетические, демографические риски, но и риски экономического и политического характера, возникающие в результате неизбежной глобальной взаимозависимости. С одной стороны, развитие и укрепление национальных государств становится препятствием для глобальной мобильности и становления сетевых связей, что чревато рисками «выпадения» из глобального развития. С другой стороны, востребуемая глобализацией слабость национальных государств и ограничение их функций и реальных властных и управленческих возможностей несет риски сепаратизма, хаоса, «балканизации» политического пространства.

Именно глобальный характер динамики современного открытого общества приводит к тому, что многие риски на локальных уровнях оказываются слабо поддающимися управлению с помощью традиционных политических и административных средств. А традиционные политические практики и формы политического поведения становятся источниками новых рисков. Исследователи отмечают невозможность однозначного распределения ответ-

[1] См.: *Яницкий О.Н.* Социология риска. М., 2003. С. 119.

[2] См.: *Бек К.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

ственности в политической сфере, возникающую из-за того, что многие проблемы в современном открытом обществе имеют не локальное, а глобальное происхождение[1]. Чреватые тяжелыми социальными последствиями энергетические кризисы конца XX – начала XXI вв., неуправляемый в пределах одной страны и даже группы стран рост цен последних лет на продовольствие обусловлены глобальным экономическим единством, а потому являются качественно новыми рисками, неуправляемыми в масштабах национальных экономик. Это, конечно, не снимает с местных органов власти и бизнес-сообщества ответственности за управление ситуацией, требует от них новых, гибких стратегий, которые не должны определяться бесполезными в данном случае старыми методами и схемами, ориентацией на прежние ситуации.

Еще один фактор, превращающий традиционные практики в фактор риска в современных условиях, – это краткосрочность и ненадежность всех взаимодействий и отношений, что порождается «текучей современностью». На эту краткосрочность обращает особое внимание З. Бауман, который подчеркивает, что «когда ненадежность становится перманентной и считается таковой, “жизнь в мире” все меньше воспринимается как связанная определенными законами и соблюдающая законы, логическая, последовательная и кумулятивная череда действий и становится больше похожа на игру, в которой мир внешний – один из игроков и он ведет себя так же, как и все игроки, не раскрывая своих карт. Как и в любой другой игре, планы на будущее имеют тенденцию становиться временными и изменчивыми, простираясь не далее следующих нескольких шагов»[2]. Краткосрочность принципиально противоположна традиции. Просчет стратегий действия в условиях краткосрочности осуществляется не с оглядкой на прошлый опыт, а исходя из сложной динамической трансформации общества, бросающей «вызов традиционным социально-организационным институтам, в том числе государству, побуждая их к включению в общий инновационный процесс»[3], – отмечает В.Л. Романов.

---

[1] *Gralepois M.* Local Risk management in town intercommunity council: Structuring intersector public policies in France // The 8th European Sociological Association Conference. Conflict, Citizenship and Civil Society. Programme. 3rd – 6th September 2007. Glasgow Caledonian University. P. 312.

[2] *Бауман З.* Текучая современность. С. 148.

[3] *Романов В.Л.* Вызов и дискурс социальной инноватики государственного управления // Синергетика: Будущее мира и России / Под ред. Г.Г. Малинецкого. М., 2008. С. 186.

Россия является неотъемлемой частью мирового сообщества, и все описанные тенденции присущи ее социальной и политической жизни. Рассмотрим некоторые наиболее значимые с нашей точки зрения риски традиционности и инерции в политической жизни нашей страны, соотнося их с ориентацией на *динамичную стабильность*, являющуюся одним из важнейших приоритетов современной российской политики.

Политические риски традиционного поведения: ситуация России

Под политическим риском понимается «вероятность неблагоприятных последствий политических решений, принимаемых в условиях неопределенности, дефицита ресурсов (времени, информации и т. д.), что ведет к ущербу для участников политических действий и вероятности осуществления нежелательных событий»[1]. Соответственно, политический риск – это возможность возникновения ущерба или, напротив, обретения политических дивидендов как результат деятельности конкретных политических акторов, включая государство и политические партии. Сложность и противоречивость современности состоит в том, что сохранение инерции политической жизни, следование традициям также является источником разнообразных рисков.

Наиболее очевидным из них являются риски традиционализма и фундаментализма. Сами по себе они не связаны напрямую с рисками экстремизма и авторитаризма, однако могут их порождать и являются благоприятной почвой для их развития. В новых условиях традиционализм в том смысле, который придает ему Э. Гидденс, то есть как принципиальное сознательное нежелание что-либо менять, и основанные на укоренившихся традиционных действиях поведенческие стратегии[2], становятся источником нарастающих рисков, поскольку мешает адаптации индивида и общества к нелинейной и неравновесной динамике социума.

Например, при распаде советского строя ценности примитивного коллективизма были поколеблены, заставляя людей отказываться от неосмысленных, подражательных действий, от «первичных уз», от жизни по принципам «как все», «не хуже, чем другие». Некоторые

[1] *Горшкова А.А.* Политический риск и методы его оптимизации. М., 2001. С. 139.

[2] См.: *Гидденс Э.* Ускользающий мир… С. 65.

россияне до сих пор испытывают ностальгию по патерналистской политике, которая по-своему удобна, ибо почти не содержит риска: не надо обдумывать ситуацию, принимать решение по выбору определенной альтернативы, на коллектив можно переложить ответственность за свое несвободное поведение (пассивное участие в акциях «одобрения» или «осуждения» не предполагает риска). Сегодня такие действия еще больше усиливают индивидуальные опасности: возникают угрозы для адаптации индивидов к постоянно меняющимся реалиям, они не могут выйти из маргинального состояния без риска – без сознательного участия в принятии решений, выборе альтернатив, обретении новых, достижимых социальных статусов и ролей.

Одной из форм традиционного поведения в российской культуре считается особое терпение народа. Однако смысл терпения в обществе риска неоднозначен. С одной стороны, это *терпение как непротивление, терпение-выживание*, отражающее готовность людей пассивно принимать все изменения, ведущие к ухудшению их положения («лишь бы не было войны»). Такое терпение ведет к архаизации социума. Позволяя предупредить риски социальной нестабильности, оно вырабатывает устойчивые формы адаптации, основанные на готовности понижать уровень благосостояния, социальный статус и престиж, образовательный и культурный уровень, условия и оплату труда и т. д.

О.Н. Яницкий отмечает, что другой стороной такого терпения является *терпение-бездействие, терпение-пережидание*, при котором выживание и самосохранение осуществляется за счет риска выпадения из процесса развития и дезадаптации[1]. Еще одним проявлением терпения всегда было *молчание* и покорность, приводящее к *бездействию* как реакции на рисковые ситуации. Ученый рассматривает его как синоним «замирания, оцепенения, то есть неподвижности во времени и закрепленности в пространстве», порожденного ощущением бессилия человека перед государством, перед судьбой и историей, перед неотвратимостью бедствий и катастроф[2].

Если в традиционном обществе подобное терпение, как и терпение-выживание, могло стать фактором адаптации индивида к рисковым ситуациям и стабильности социума, то в условиях открытого общества и нелинейного развития оно само становится

[1] См.: *Яницкий О.Н.* Социология риска. С. 123.

[2] См. там же. С. 124.

фактором риска дезориентации, неготовности реагировать на внезапные изменения обстановки. Избранная однажды стратегия демобилизации, обоснованная представлениями о том, что «от нас ничего не зависит», «все равно все решают без нас», оказывается причиной не только пассивности избирателей, слабости гражданского общества в целом, но и возможных личных рисков непринятия участия в значимых событиях. Одной из проблем современной России является политическая пассивность молодежи, значительная часть которой избрала для себя стратегию неучастия и в общенациональных политических событиях (выборах), и в политической жизни, политических партиях и движениях вообще. По данным социологов, лишь 11% опрошенных молодых людей готовы принять активное участие в политических событиях, даже если ситуация в стране и обстоятельства их жизни резко ухудшатся[1].

Специфика нелинейного развития в том и состоит, что «переждать» риски нельзя, ибо они являются имманентным свойством социальной динамики и самого социума. Как показал автор теории «общества риска» У. Бек, в условиях рефлексивной модернизации устойчивые социальные институты – экономики, семьи, политического устройства, науки и т. д., а также классовое деление общества и прочие фундаментальные основы, образующие стабильный каркас индустриального общества, перестают быть надежными ориентирами для людей, сама их стабильность становится «причиной разрыва» социальной ткани[2]. Таким образом, проблема состоит в том, что «терпеливое пережидание» в обществе риска приводит не к «снятию» рисков, а к их накоплению. Э. Гидденс видит специфику общества рефлексивного модерна в особом статусе риска. Этот особый статус состоит не просто в увеличении рисков, а, прежде всего, в том, что мышление в понятиях риска и его оценки превратилось в имманентное свойство не только экспертного, но и массового сознания[3]. Общество осознает себя в категориях риска, неуверенности и необходимости выбора. При этом рисками

---

[1] См.: Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. ред. М.К. Горшкова. М., 2007. С. 414.

[2] См.: *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. С. 59–60; *Филиппов А.Ф.* Общество риска как политический трактат по фундаментальной социологии // Бек У. Общество риска… С. 366–381.

[3] См.: *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность / Пер. С.П. Баньковской // THESIS. 1994. № 5. С. 119.

чревата любая ситуация – бездействие так же рискованно, как и самое инновационное действие.

Риски традиции терпения для современной России состоят в том, что она приводит к «негативной стабильности», обусловленной не столько реальными социальными, экономическими, политическими процессами, сколько страхом, недоверием, пассивностью населения[1]. И эта «негативная стабильность» чревата внезапным всплеском агрессии, нетерпимости. Тем более что власть традиции как принципиальное нежелание, вопреки требованиям рациональной адаптации, что-либо менять в жизни и меняться самому, чревата рисками интолерантности к другим способам действия. Здесь уже возникают риски перерастания традиционализма в агрессивный фундаментализм и экстремизм.

О.Н. Яницкий отмечает, что в современных условиях происходит инверсия опасного и безопасного, делающая ненадежными привычные практики и требующая их постоянного пересмотра. Для этого необходимо принимать новые нестандартные, непредусмотренные опытом прошлого решения на основании рефлексивного мониторинга ситуации. Так, в условиях роста экстремизма и террористических угроз во всем мире развитие демократических институтов оказалось сопряжено с усилением контроля и даже частичным ограничением свобод граждан и недопустимым по прежним демократическим меркам вмешательством в их личную жизнь. Как показывают социологические опросы, большая часть граждан России с пониманием относится к введению подобных мер, видя в них заботу государства об их безопасности. В то же время сторонников жестких мер пресечения экстремистской деятельности и тех, кто считает наиболее эффективным путем борьбы с экстремизмом не преследования и ограничения, а развитие демократии и улучшение условий и уровня жизни населения, оказалось примерно поровну[2].

Однако ненадежность привычных поведенческих стратегий, невозможность положиться на те социально-политические структуры, которые ранее казались гарантами безопасности и стабильности, порождает у современного человека, по выражению О.Н. Яницкого, «синдром боязни привычного». Его суть состоит в том, что человек ищет защиты от рисков, разрешения рисковых ситуаций в привыч-

[1] См.: *Яницкий О.Н.* Социология риска. С. 125.

[2] См.: Свобода. Неравенство. Братство… С. 204.

ной среде и традиционных формах поведения, но они не способны его защитить и даже, напротив, сами оказываются источниками опасностей[1]. В итоге уделом современного человека становится постоянный стресс и неуверенность в будущее.

В обществе, где следование традициям становится фактором риска, необходим качественно новый подход к ним, отличающийся, безусловно, от упорного отстаивания традиций «вопреки всему», но и *не доходящий до крайности огульного отрицания преемственности*. По нашему мнению, можно согласиться с Э. Гидденсом, что открытое общество требует поддержания традиций нетрадиционными способами[2], позволяющими минимизировать как риски традиционности, так и детрадиционализации. Подобная «нетрадиционная традиционность» предполагает готовность к изменениям при сохранении того позитивного, стабилизирующего и интегративного потенциала, которым обладают традиции. Она позволяет меняться и идти вперед, сохраняя при этом смысл и сущность важнейших социально-политических ценностей и символов.

---

[1] См.: *Яницкий О.Н.* Социология риска. С. 109.

[2] См.: *Гидденс Э.* Ускользающий мир… С. 61.